

**Языковые контакты и языковое законодательство
в немецкоязычных странах**

Language contacts and language legislation in German-speaking countries. The paper deals with some issues of the legal status of the German language in the German-speaking countries and its consolidation as an official language in the legal national documents. The analysis of legal documents reveals three legislative models regulating the definition of the national and/or official status of the language: the model of the legally unfixed national and/or official language; the one-component model, or the model of legitimate monolingualism; the three- and four-component model, or the model of legitimate multilingualism. The results of a brief analysis of the dynamics of changes in the legislation governing the status of minority and regional languages of the largest German-speaking countries are also presented.

Немецкий язык выполняет роль государственного и/или официального языка в нескольких европейских странах, тем не менее, он не везде закреплён на высшем законодательном уровне. Неоднозначной остаётся ситуация с законодательным статусом немецкого языка в Германии. С одной стороны, в Основном законе ФРГ отсутствует статья о легитимности государственного языка, но немецкий язык имеет достаточно высокий фактический статус на федеральном уровне. С другой стороны, немецкий язык кодифицирован в нескольких федеральных правоустанавливающих документах, регламентирующих процессы судопроизводства, торговые, налоговые и социальные отношения [1]. Он используется на всей территории страны в качестве официального языка в деятельности государственных органов, судопроизводства, системы образования и СМИ.

Сторонники конституционного закрепления языка неоднократно выступали за правовое признание немецкого государственным языком и подчеркивали, что такая мера не будет иметь отрицательных последствий для миноритарных языков Германии и языков переселенцев (турецкого, русского и др.). Этот вопрос волнует лингвистов, общественных деятелей, политиков. Политические партии, особенно оппозиционные (например, Альтернатива для Германии, нем. AfD – Alternative für Deutschland), стараются оговорить необходимость данного действия в своих программах: «как центральный элемент немецкой идентичности немецкий язык должен быть закреплён в Конституции как государственный язык по примеру многих других стран» [11, с. 93]. При этом указывается на проблемы, связанные с «интернационализацией» немецкого языка вследствие распространения английского и на неприятие навязывания т.н. «политически „корректных“ языковых стандартов» (politisch „korrekte“ Sprachvorgaben) [там же].

Функциональный статус признанных миноритарных и региональных языков в Германии – датского (Шлезвиг-Гольштейн), севернофризского (Шлезвиг-Гольштейн) и восточнофризского, или затерландского фризского (Нижняя Саксония), верхне- и нижнелужицкого (Саксония и Бранденбург соответственно), нижненемецкого (Бремен, Гамбург, Мекленбург-Передняя Померания, Нижняя Саксония, Шлезвиг-Гольштейн, Бранденбург, Северный Рейн-Вестфалия, Саксония-Анхальт) и цыганского – регулируются статьями 7 (ч. II) и 8–14 (ч. III) «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» [16, с. 5–6], ратифицированной Федеральным правительством в 1998 г. и вступившей силу 1 января 1999 г.

В Федеральном конституционном законе Австрийской Республики, Конституциях Швейцарской Конфедерации и Княжества Лихтенштейн немецкий язык, напротив, признан государственным. Согласно ст. 8 Федерального конституционного закона Австрии положение государственного языка страны не ущемляет прав других языковых меньшинств: „Die deutsche Sprache ist, unbeschadet der den sprachlichen Minderheiten bundesgesetzlich eingeräumten Rechte, die Staatssprache der Republik“ [7]. Однако отношение австрийцев к немецкому языку не всегда было однозначным, настроения в XX в. менялись «от полного дистанцирования от всего немецкого <...> до попыток провозглашения собственного австрийского языка» [3, с. 33]. Примечательно, что аншлюс Австрии в 1938 г. и дальнейшее существование в составе нацистского рейха не могли не отразиться на негативном отношении австрийцев ко всему, что ассоциировалось с Германией и со всем немецким. Именно с этим был связан отказ от названия *Deutsch* (немецкий язык) при преподавании родного языка в австрийских школах и его официальная замена обозначением *Unterrichtssprache* (язык преподавания) в 1949 г. Однако принятие языка как важного признака национальной идентичности способствовало тому, что уже с 1952 г. наблюдается постепенное

изменение названия школьного предмета, в который вносится компонент *deutsch*: *Deutsche Unterrichtssprache* (немецкий язык преподавания). Возвращение в 1955 г. наименования *Deutsch* в систему школьного образования связывают с «соломоновым решением» канцлера Австрии Леопольда Фигля (Leopold Figl, канцлер в 1945–1953 гг.), объявившим, что «нация – австрийская, а родной язык – немецкий» (*die Nation österreichisch, ihre Muttersprache <...> Deutsch*). Де-юре статус немецкого языка был закреплен в ст. 8 вновь действующей, но принятой еще в 1920 г. Конституции страны: „*die deutsche Sprache <...> die Staatssprache der Republik Österreich*“ (немецкий язык <...> государственный язык Австрийской республики) [5, с. 127].

История Австрийской республики как многонационального государства способствовала необходимости регулирования юридического статуса миноритарных языков страны, что отражено в нормативно-законодательных документах федерального уровня. Так, в 1955 г. в Декларации о независимости Австрии были провозглашены языковые права словенского и хорватского меньшинств (ст. 7, пп. 2, 3) [13]. В результате подписания названного акта в Каринтии (Kärnten), Штирии (Steiermark) и Бургенланде (Burgenland) были узаконены школьная, языковая и культурная автономии, а словенский и бургенландский хорватский стали легитимными миноритарными языками, на которых ведется школьное обучение. Благодаря подписанию «Закона о защите школ национальных меньшинств» (*Minderheitenschulgesetz*, 1959 г.), «Закона об этнических группах» (*Volksgruppengesetz*, 1976 г., с поправками 1993 г.), внесению изменений в ст. 8 Конституции в 2000 г., ратификации «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» в 2001 г. и ряду других законодательных актов юридическую поддержку получили и другие миноритарные языки: венгерский (в Бургенланде и Вене), чешский (в Вене), словацкий (в Вене), цыганский (в Бургенланде) [8, с. 46–57]. Принцип конституционной поддержки (ст. 8 п.3) распространяется и на австрийский жестовый язык (*Österreichische Gebärdensprache*) как самостоятельный язык, использование которого регулируется дополнительными законами: „*Die Österreichische Gebärdensprache ist als eigenständige Sprache anerkannt. Das Nähere bestimmen die Gesetze*“ [7].

Основной закон Швейцарской Конфедерации от 18 апреля 1999 г. закрепляет официальный статус четырех действующих в стране языков (немецкого, французского, итальянского и ретороманского): „*Die Amtssprachen des Bundes sind Deutsch, Französisch und Italienisch. Im Verkehr mit Personen rätoromanischer Sprache ist auch das Rätoromanische Amtssprache des Bundes*“ (ст. 70) [6]. В рамках Хартии о региональных языках признан не привязанный ни к какой определенной территории язык этнического меньшинства енишей (*das Jenische*). В стране действуют и другие федеральные и кантональные нормативные акты, регулирующие статус официальных языков кантонов и языковые права граждан с учетом лингвистического плюрализма, см. подробнее [4, с. 323–334].

Как же выглядит ситуация в законодательной поддержке языков в таких государствах как Лихтенштейн и Люксембург? С 1921 г. неизменной остается ст. 6 в Конституции Лихтенштейна, где прописано, что немецкий язык является государственным и официальным языком: *Die deutsche Sprache ist die Staats- und Amtssprache* [15, с. 2]. В повседневной жизни население использует алеманнские диалекты, официально признанные миноритарные языки в стране отсутствуют.

Ситуация многоязычия, характерная для Люксембурга, не могла не отразиться на языковом законодательстве. В ст. 29 Конституции страны указано, что «закон регулирует использование языков в административных и судебных вопросах» [9]. Согласно ст. 1 «Закона о языках в Великом герцогстве Люксембург» от 24.02.1984, национальным языком страны является люксембургский, или летцебургский / летцебургшиш (*Lëtzebuergesch*) [10]. Языком законов является французский (ст. 2), в качестве административных и судебных языков выступают французский, немецкий или люксембургский (ст. 3), а ответы на обращения, заявления или запросы в административное учреждение выполняются на одном из трех административных языков, на котором поступил запрос от заявителя (ст. 4) [там же]. Исследователи указывают на статус французского языка как *lingua franca* в различных сферах общения [12, с. 23] и важную роль люксембургского языка как родного в разных областях общественной жизни. Функционирование же немецкого языка имеет ограниченный характер: его фактическое использование наблюдается, как правило, в письменной коммуникации (в банковской сфере, прессе (70–80 %), литературных журналах), в образовании [2, с. 16–18]. В школе немецкий изучается чаще всего как второй язык (*Deutsch als Zweitsprache*) и как иностранный (*Deutsch als Fremdsprache*) [12, с. 122; 73–165].

В таких средствах массовой информации как радио и телевидение преимущество отдается люксембургскому. Современная люксембургская пресса выходит преимущественно на немецком языке („*Luxemburger Wort*“, „*Revue*“, „*Tageblatt*“, „*Télécran*“), языками печатных изданий являются также французский („*Le Quotidien*“, „*L'Essentiel*“, „*Le jeudi*“) и португальский („*Contacto*“, „*Correio*“). Использование последнего связано с большим количеством португальцев в Люксембурге: по данным Национального института статистики и экономических исследований Великого Герцогства Люксембург (*STATEC*) в 2018 г. количество португальцев в

стране составило 96,544, т.е. 16 % от всего населения [14]. Некоторые журналы и газеты выходят на двух или трех официальных языках государства („*De Feierkrop*“, „*D’Lëtzebuenger Land*“ и др.) или французском и английском („*Paperjam*“), что можно объяснить доминирующими позициями последнего в современном мире.

В качестве одной из причин невысокого статуса немецкого языка в современной повседневной коммуникации Люксембурга исследователи называют в т.ч. исторические факты, а именно, немецкую оккупацию страны в годы Второй мировой войны [12, с. 374] и вследствие этого рост национального самосознания, неприятие немецкого и повышение роли французского языка, формирование и дальнейшее юридическое закрепление люксембургского языка, развившегося на основе мозельско-франкских диалектов.

Таким образом, в результате краткого обзора законодательства таких стран, как Германия, Австрия, Швейцария, Люксембург, Лихтенштейн можно выделить несколько законодательных моделей, регламентирующих определение немецкого как государственного статуса языка: 1) модель законодательно незакрепленного государственного и/или официального языка; 2) однокомпонентная модель, или модель легитимного одноязычия; 3) многокомпонентная модель, или модель легитимного многоязычия.

Литература

1. *Едличко А.И.* Правовой статус немецкого языка в современной Германии // *Язык. Право. Общество: сб. ст. IV Междунар. научн.-практ. конф. (г. Пенза, ПГУ, 11–13 октября 2016 г.) / под ред. О.В. Барабаш, Т.В. Дубровской, А.К. Дятловой, Н.А. Павловой. Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. С. 197–199.*
2. Ключева Т.В. Особенности немецкого литературного языка в Люксембурге. М.: Экон.Информ, 2008. 140 с.
3. Копчук Л.Б. Языковая ситуация в Австрии // Решение национальных вопросов в современном мире. СПб.: Златоуст, 2003. С. 29–44.
4. Языковая политика в контексте современных языковых процессов. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2015. 472 с.
5. *Ammon U.* Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten. Berlin u.a.: de Gruyter, 1995. 575 S.
6. Bundesverfassung der Schweizerischen Eidgenossenschaft vom 18. April 1999 (BV, SR 101). URL: <http://www.admin.ch/ch/d/sr/c101.html> (дата обращения: 10.05.2016).
7. Bundesverfassungsgesetz (B-VG). URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10000138> (дата обращения: 10.10.2018).
8. Cillia R., Wodak R. de Ist Österreich ein „deutsches“ Land? Sprachenpolitik und Identität in der zweiten Republik. Innsbruck u.a.: Studienverlag, 2006. 94 S.
9. Constitution du Grand-Duché du Luxembourg. LÉGISLATION: Mémorial A - 908 du 16 octobre 2017. PRISE D’EFFET: 20 octobre 2017. 46 p. URL: <http://legilux.public.lu/eli/etat/leg/recueil/constitution/20171020> (дата обращения: 12.03.2018).
10. Loi du 24 février 1984 sur le régime des langues. URL: <http://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/1984/02/24/n1/jo> (дата обращения: 12.03.2018).
11. Programm für Deutschland. Das Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland. 2018. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2018/01/Programm_AfD_Druck_Online_190118.pdf (дата обращения: 17.02.2019).
12. Scheer F. Deutsch in Luxemburg: Positionen, Funktionen und Bewertungen der deutschen Sprache. Tübingen: Narr, 2017. 415 S.
13. Staatsvertrag betreffend die Wiederherstellung eines unabhängigen und demokratischen Österreich, gegeben zu Wien am 15. Mai 1955. URL: https://www.ris.bka.gv.at/Dokumente/BgblPdf/1955_152_0/1955_152_0.pdf (дата обращения: 12.11.2018).
14. *STATEC* (National Institute of *Statistics* and Economic Studies of the Grand Duchy of Luxembourg). URL: <https://statistiques.public.lu/en/actors/statec/index.html> (дата обращения: 12.03.2019).
15. Verfassung des Fürstentums Liechtenstein vom 5. Oktober 1921 // Liechtensteinisches Landesgesetzblatt. Jahrgang 1921. Nr. 15, ausgegeben am 24. Oktober 1921. 42 S. URL: <https://www.gesetze.li/konso/pdf/1921.015> (дата обращения: 17.03.2018).
16. Zur Situation von Regional- und Minderheitensprachen in Deutschland. Berlin: Deutscher Bundestag, 2016. 15 S. URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/481532/911a9f36ee4afcefd7e47aab772dad/wd-10-050-16-pdf-data.pdf> (дата обращения: 07.02.2019).